

ЛИН НЯННЯН

НЕБЕСНАЯ СОБАКА

СПАСЕНИЕ ДУШИ
НЕСЧАСТНОГО

Алый Клен. Российские хиты ориентального фэнтези

Лин Няннян

**Небесная собака. Спасение
души несчастного. Том 3**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нянняян Л.

Небесная собака. Спасение души несчастного. Том 3 /
Л. Нянняян — «Эксмо», 2026 — (Алый Клен. Российские хиты
ориентального фэнтези)

ISBN 978-5-04-254218-3

Испытание Небес завершилось, и в то же время в подлунном мире проснулось нечто пугающее. Царство демонов в хаосе. Столица бессмертных – в праведном гневе и требует ответа за произошедшее. Как и опасался Го Бохай, сила ученика напугала обитателей Туманного хребта. Теперь У Чана обвиняют в связи с демонами. Не успев ничего предпринять, он сталкивается с необъяснимым: жестокий поступок наставника выбивает почву из-под ног наследника. Жуткая тайна вырывается наружу и ставит точку во взаимопонимании учителя и ученика. Маски спадают, иллюзорные стены рушатся, а будущие небожители и не подозревают, что отныне их ждут настоящие испытания. Успеют ли избранные разобраться с преградами прежде, чем разоблачат затесавшегося в их кругах самозванца?

1. Продолжение супербестселлера Лин Нянняян «Небесная собака. Спасение души несчастного»! 2. Завораживающее оформление от популярной художницы RACCUN. 3. Авторский мир с атмосферой средневекового Китая и глубоким погружением в мифологию. 4. Ставки повышаются, и сюжетные повороты становятся всё более непредсказуемыми. 5. Отвергнутый ученик, который более не желает следовать пути учителя, но отказывается его отпускать. 6. Издательство «Комильфо» выпускает по новелле эксклюзивный артбук.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254218-3

© Нянян Л., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

От автора	7
Глава 63	9
Глава 64	20
Глава 65	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лин Няннян
Небесная собака. Спасение
души несчастного. Том 3

Серия «Алый Клен. Российские хиты ориентального фэнтези»

Иллюстрации на суперобложке и во внутреннем оформлении RACCUN

От автора

Есть старое поверье: когда небесная собака хватается солнце, мир на минуту замирает и ждет.

Я писала эту книгу **очень долго** и не хочу делать вид, что это было легко. Были месяцы, когда я не могла подойти к тексту: у взрослой жизни свои права. А были месяцы, когда подойти к книге было просто страшно.

И все это время вы ждали.

Я помню. Все комментарии, все вопросы – «а когда», «а почему он так поступил», «а вот здесь же было иначе». Помню тех, кто спорил о героях так, будто они живые люди. **Это ожидание было общим. И старание тоже.**

Спасибо всем, кто поддерживал не только меня, но и художника. Мне не хватает слов объяснить, что значит вот это простое: **вы держите книгу в руках.**

История не окончена. Дорога впереди длиннее пройденной, и я доведу по ней своих героев до конца. **Обещаю.**

А пока – переверните страницу.

_____ ждет вас.

(впишите имя любимого героя)

© Лин Нянян, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 63

Часть 1

Корни и ветви

Чжоухэ утопал в благоговейном шепоте. Жители долины, окруженной горами и иссеченной длинными реками, жадно обсуждали предстоящие испытания избранных. Кто-то делился догадками, кто-то расспрашивал послушников с Туманного хребта. Все искали ответ на повисший в воздухе вопрос: что их ждет?

Глубокой ночью в одном из домов речного городка все еще горел свет. Пожилой мужчина уже давно устроился в постели и, несмотря на недовольство своей старухи, лепетал без умолку, точно мальчишка:

– Да послушай! Линь Мо поведал со слов младшего: этим избранным не знаком страх. Их лица излучают уверенность, а страстная... – Он задумался на мгновение, вспоминая что-то. – О! Точно! А бесстрастная улыбка – надежду на завтрашний погожий день!

Он тараторил обо всех ведомых и неведомых достоинствах будущих богов и так увлекся, что чуть не упустил момент, когда вечно ворчливая жена замолкла, слушая его рассказы с нескрываемым интересом.

Неожиданный грохот в небе прервал размышления мужчины, он вскочил и прильнул к окну, движимый страхом и любопытством. Звезды на мрачном полотне померкли. Оно вдруг покрылось загадочной паутиной серебряных трещин, а из его глубин донесся леденящий душу рев: будто кто-то рыдал и одновременно проклинал весь мир.

Долину давно заволокло густым влажным туманом. Жутко было представить, что там поджидало заплутавших путников. Мужчина как раз подумал, что, пожалуй, никто в здравом уме не стал бы высовывать нос за порог. Как вдруг насторожился: где-то в глубине молочной дымки слышались разговоры и шаги.

Бах! Бах! Бах!

Вдруг в ворота ветхого красного домишки громко постучались. Старуха спрыгнула с кровати, ринулась к семейному алтарю и пала ниц. Мужчина же насмешливо взглянул на нее: лицо жены будто осунулось от испуга. Ему и самому стало не по себе, но видеть ее такой... просто кошмарно.

– Да чтоб тебя, неразумная! – прошипел он и сел на краю постели. – Нечего тут бояться!

– Помолчал бы! – злобно зыркнула на него старуха. – Дряхлый мул! Я просила тебя, уготваривала – сходи ты к послушникам за новыми оберегами. Линь Цин нам в помощи никогда не откажет! Нет же, лень было! Теперь слушай сиди, как к нам в дом просится нечистая сила и... Стой! Не выходи!

Однако когда она крикнула вдогонку, мужчина уже подошел к порогу и распахнул дверь. Осмотрев скромные владения и не заметив и тени, он рывкнул в сторону хлипких ворот:

– Пошел прочь! Не до тебя сейчас.

Но ему не ответили.

Яркая беззвучная вспышка над головой осветила двор: вокруг ни души. Да и в целом ничего подозрительного – только утопшие в молочном тумане сорняки да утварь, валявшаяся всюду. Хозяин дома помялся на пороге, не решаясь ни зайти обратно, ни выйти на улицу. Ветер подул с севера, и тотчас очередной грозовой раскат обрушился на Поднебесную.

– Дубина, скорее же захлопни дверь! – гневно прокричала жена из глубины дома. – Ты же знаешь, как опасны празднования духов. Что, если на хребте все пошло прахом и это Небеса отговаривают нас от глупостей?!

Но мужчина услышал лишь обрывки ее слов: в ушах все еще гудело. Тело ежилось от озноба, пронизывающий холод, гулявший то тут, то там, вцепился в босые ступни. Неприятное прикосновение заставило опустить взгляд: оказывается, все это время он стоял на желтом листе бумаги, уголок которого трепыхался от порывов ветра. Поразительно! И откуда здесь это? Он же лично перед сном проверил каждый угол дома! Оберег, что сейчас лежал под ногами, должен был... висеть на воротах! Как так?

Сердце ухнуло.

И снова небо разразилось мощным рыком. Прежде чем зажмуриться, хозяин дома посмотрел на жену, которая резво шмыгнула под одеяло. И вдруг...

– Сосед, почему прогоняешь? – раздался голос вблизи. – Видишь же, что творится на улице!

От неожиданности мужчина чуть язык не прикусил. По спине пробежали ледяные мурашки. Наконец он решился и приоткрыл глаза. На пороге стоял исхудавший приятель с растерянным выражением.

– Линь Мо! – Возглас хозяина дома прозвучал неестественно, точно скрип половицы. Он взглянул на знакомое лицо, и встревоженное сердце успокоилось. – Ты чего тут?..

– Да вот, думал навестить сына на хребте, проверить, как он там. А сам, балда старая, заплутал в тумане. – Гость потупился и почесал седую макушку.

– Ну ты скажешь тоже!

Они переглянулись, и хозяин дома ухмыльнулся про себя: «Типичный Линь Мо – и среди бела дня заблудится. И сынок его не от мира сего – как еще на хребте не потерялся!» Он успокаивающе положил руку на плечо соседа:

– Если уж Небеса решат обрушиться на нас, то так тому и быть. Что ж мы сможем поделать? Только ждать!

И оба нервно рассмеялись. Правда, веселье длилось недолго: резкий порыв ветра хлопнул дверью так, что они подпрыгнули. Липкий туман заполз во двор и пересек порог дома. Из-под одеяла завопила жена:

– Трухлявый ты пень, хочешь, чтобы я заболела и померла? Да что с тобой сегодня такое? Иди поскорее в кровать! Нечего на улице делать!

Когда же мужчины наконец справились с дверью, которую ветер настойчиво пытался вырвать, и вошли, то застали старуху посреди комнаты. Видимо, решила: раз муж не отреагировал на ее указы, тогда сама закроет эту злосчастную дверь. Сейчас еще причитать начнет, что одной все делать приходится...

Прошли те годы, когда он считал ее прекрасной. Белолицая, нежная, как лепесток груши, девушка превратилась в склочную бабу со сморщенной, посмуглевшей от работы в полях кожей. А этот дурной характер – и врагу не пожелаешь! И все же... она оставалась для него родной душой. Единственной и самой важной на свете.

Мужчина поддался приливу теплых чувств и почти ласково сказал:

– Только не ворчи, ну... Зажги свечу. К нам Линь Мо заглянул.

Однако в ответ – тишина. Вообще-то жена многое пропускала мимо ушей, так что хозяин дома не удивился. А вот то, что его даже не обругали... Это было необычно.

За окном блеснула молния и пролила белый свет в центр комнаты. Мужчина бросил взгляд на непокорную и уже было открыл рот, чтобы узнать, в чем дело, как вдруг окаменел. Пожилое тело все еще любимой неестественно стиснуло, будто ее положили в неприлично узкий гроб. Хруст костей заполнил комнату. Лицо старухи посинело, а глаза налились кровью. Она шевельнула губами:

– Ми... лый?... – но затихла.

Хозяин дома ринулся на помощь, но вновь застыл, заметив ехидный оскал Линь Мо. Голова соседа, освещенная бесконечными вспышками молний, взмыла в воздух, под самый потолок. Его длинная шея мертвой петлей обвила старуху и сжалась. Мужчина подумал, что жену пытаются задушить, но... ошибся. В мгновение ока единственная, пусть и строптивая, превратилась в кровавое месиво – с такой страшной силой ее сдавило жуткое змееобразное нечто.

Тварь, принявшая облик Линь Мо, обнажила покрытые тягучей слизью клыки:

– Заходите, друзья! Заходите!

И в закрытую дверь тотчас ломанулась нечисть – одна щеколда спасала несчастную жизнь хозяина дома, но и та затрещала под натиском.

Мужчина кинулся к окну напротив и, сам не помня как, пролез через него и оказался на улице. Толпа демонов затопала, зачмокала и с радостными визгами понеслась за ним. Под предводительством летающей головы Линь Мо твари тянули когтистые лапы, но не хватали бедолагу, а точно глумились.

– Помогите! Откройте, кто-нибудь! – Добравшись до соседей, мужчина начал стучаться к ним в ворота.

Однако никто не повторил его ошибку. Тогда, заслышав мерзко хохочущих демонов за спиной, он обратился к высшим силам:

– Я скромный человек! Никогда не желал богатства и власти! Никогда ни о чем не просил! Да, я не молился вам, но только потому, что ничего мне не надобно было! – От бега легкие обдало жаром. Он зажмурился и все же твердил дальше свою молитву, боясь упасть: – Я... делал все, что положено, никому не вредил... Так снизойдите! Спасите меня и душу моей старухи! Умоляю! Умоляю...

Не успел он договорить, как из недр туманного молока послышалась... речь. Человеческая! Живая! Трясущейся от ужаса души коснулась надежда. Мужчина широко раскрыл мокрые глаза и заметил пляшущие огни впереди.

Факелы. Люди. Спасение.

Не прекращая молиться, он пронесся к толпе, споткнулся и рухнул на землю. Тени облепили его, как мотыльки свечу.

– Что случилось?

– Ой, как нехорошо вышло! Ой-ой-ой!

Услышав растерянные разговоры, мужчина надрывно разрыдался: неужели его молитвы сработали и Небеса ниспослали шанс на спасение?! Не может быть!

Перешептывание нависших над ним фигур вдруг вызвало волну тревоги. Он медленно поднял испачканное в грязи лицо, и в то же мгновение жуткий вопль заполнил улицу.

К глубокой ночи под громыхания небес весь Чжоухэ наполнили голоса таких же несчастных. Обманутые коварной нечистью горожане искали спасение на Туманном хребте, но мало кто добирался до него. И теперь людей, преданных собственной удачей, разрывали живьем и утаскивали в никуда. У подножья обители словно открылись ворота в царство мук и страданий.

Собравшиеся у барьера догадались, что обретение божественных сил обернулось настоящей катастрофой для смертных. И хотя все воздерживались от резких высказываний, нашлись те, кто в душе уже избрал главного виновника творящегося ужаса.

Десяток послушников выдвинулся в речной городок на выручку местным. Несколько наставников кинулись вызволять избранных. Но пока никто не вернулся.

Владыка тем временем, не опуская головы, следил за каждой вспышкой в вышине. Трепещины на небосводе тускнели, а эхо от громовых ударов постепенно стихало. Однако даже толика надежды на то, что безумие сходило на нет, не радовала достопочтенного.

– Все еще не объявился? – не оборачиваясь, печально обронил он.

– К сожалению, нет.

Ответив, как и час назад, послушник поклонился. Он шагнул было на помощь товарищам, но тут же за спиной раздалось:

– Скорее принесите еще воды!

Пробежавший мимо молодой даос молниеносно исполнил требование господина Юй Фу и протянул тяжелую кадку. Вышло довольно неловко: одно движение дрожащих рук, и все выплеснулось прямо на людей.

Юй Фу резко смахнул воду с лица, повернулся и умоляющим тоном проговорил:

– Уважаемый Гун Ди! Продолжайте! Не отвлекайтесь из-за пары капель.

В действительности от этой «пары капель» Гун Ди, как и его товарищ по несчастью, промок с головы до ног. Он кивнул и вновь погрузился в себя. Ладони обдало теплым потоком энергии, которая, пульсируя, покрыла кровоточащую рану избранного.

– А-а-а!

Юй Фу прижал подскочившего обратно к земле:

– Господин Мэн, потерпите еще немного. – Но напряжение в голосе выдавало совсем иное. – Лежите смирно, иначе мы мало чем поможем!

Гун Ди приоткрыл глаза и мельком взглянул на барьер. Поглощенная темнотой пещера гудела и стонала от ликования демонов. Тревога за воспитанников сковала его сердце. А как все неплохо начиналось...

Первыми показались Фань Мулань и Шао Жоу. Вымотанные, но улыбающиеся, они шагнули ко всем в серебристый свет. В тот же момент произошло необъяснимое: луна померкла; погода взбунтовалась, а из царства демонов вперемешку с безобидными духами хлынула нечисть. По приказу владыки послушники установили временный барьер, пытаясь сдержать хаос.

Мяо Цзе без предупреждения бросилась на поиски Го Бохая. Вскоре не выдержал и господин Лю: ушел за грань мира живых и мертвых за наставницей – видимо, мучила совесть из-за сказанного в Небесном павильоне. Но стоило и ему покинуть собравшихся у барьера, объявился его ученик. Вместо того чтобы, как и другие избранные, порадовать своим появлением, Мэн Чао выронил изогнутый клинок и рухнул на колено. Тогда-то все поняли: ситуация лучше уже не будет.

На животе Мэн Чао, где когда-то красовался широкий пояс из серебряных пластин, теперь зияла рваная рана.

– Жжется! Его кровь жжется! – восклицали бросившиеся ему на помощь послушники.

После возвращения избранного прошло некоторое время. Гун Ди все так же пытался подавить силу Мэн Чао, пока Юй Фу поддерживал будущего бога в сознании. Аккуратно омыв лицо пострадавшего прохладной водой, он заключил:

– У вас почти получилось, дружище Гун! Рана затягивается! Вы и правда мастер!

Но Гун Ди лишь нахмурился, и в его выражении отчетливо читалось: «Какой я вам дружище?» Молния осветила все вокруг, и оба обнаружили, что их накрыла широкая тень. Юй Фу взглянул наверх:

– Владыка, вы вернулись! Что прикажете делать с оставшимися за гранью?

Достопочтенный вытянул ладонь, но не ответил. Он постоял над избранным, сосредоточившись, и вдруг края раны начали срастаться быстрее. Когда от нее не осталось и следа, Гун Ди откинулся назад и, задыхаясь до головокружения, припал к земле.

Молодой Линь Цин с кадкой в руках подбежал к владыке.

– Покой в Чжоухэ восстановлен, однако количество прорвавшихся демонов-пожирателей превысило наши ожидания. Мы не можем постоянно поддерживать барьер. За гранью мира живых и мертвых произошло нечто такое, что сильно разгневало Небеса. Поэтому мы должны...

Юй Фу подбадривающе похлопал Мэн Чао по плечу, поднялся и хотел было что-то уточнить, как вздрогнул: рядом внезапно возник Лао Ван.

– Господа, перейдем в иное место, – вставил тот.

Оставив Мэн Чао, который медленно приходил в себя, наставники переместились к барьеру. Из пещеры непрерывно доносился устрашающий рык злых духов и демонов. За этим шумом их разговор никто бы не подслушал.

Владыка встал подле наставников с таким выражением лица, будто был крайне недоволен назревающим обсуждением. Он молча перевел взгляд на Лао Вана, и слепой даос сдержанно произнес:

– Линь Цин, хорошо обдумай, что именно ты предлагаешь.

Однако Гун Ди и Юй Фу уже догадались, к какому именно решению склонялись некоторые послушники.

Сдерживать нечисть становилось сложнее. Палочки благовоний тлели на глазах, а ситуация не улучшалась. Временный барьер ограждал лишь *ту* сторону, поэтому людям *по эту* приходилось удваивать усилия. Но даже так демонические отродья то и дело прорывались сквозь новые разломы, не давая передышки. И вдруг Линь Цин предложил...

– Я не позволю! – Голос Гун Ди казался встревоженным. Оно и понятно: оба его воспитанника еще не вернулись в подлунный мир. – Если так поступить, то мы отнимем надежду у избранных и их наставников по *ту* сторону!

– Все не так! – Линь Цин затряс руками. – Как только барьер восстановят, мы отправимся им на выручку. Вы поймите, иначе может пострадать еще больше невинных. Должно подумать о людях в долине!

Брови Гун Ди сошлись на переносице.

– Я правильно расслышал? Вы ставите жизнь смертного превыше жизни избранного?!

– Но ведь в Чжоухэ... Там незащищенные старики и дети!

– А чем мои ученики хуже них?! – Слова наставника прозвучали неприлично громко и пронеслись эхом по округе. Несколько человек невольно обернулись.

Многие считали северян хладнокровными. Однако сейчас даже сам Гун Ди не мог ответить, что сильнее его обуяло: желание вцепиться в горло молодому даосу или проявить непослушание перед владыкой и самому кинуться на поиски воспитанников.

В очередной раз Линь Цин хотел что-то сказать, но не успел – группа послушников заголосила:

– Вернулись! Вернулись!

Юй Фу и Гун Ди без промедления бросились к барьеру. Из пещеры вырвался поток воздуха, заставив людей поблизости прикрыть лица руками. Перепугавшись, неприкаянные духи обратились светлячками и разлетелись по углам пещеры; другая же нечисть, наоборот, постаралась помешать прибывшим с той стороны, но и ее тотчас прибило вихрем к каменным стенам. Все наблюдавшие за этим охнули.

Наконец из расщелины показались три человеческие фигуры. Одна из них сокрушала демонов порывами ветра, точно безжалостно рубила высокие заросли.

– Уважаемая Мяо Цзе?! – Юй Фу радостно хлопнул в ладоши.

Второй человек – господин Лю – сражал мелких тварей, и каждый удар его клинка высекал снопы искр. А третий...

Казалось, Гун Ди разглядел: наставник на руках нес тело. Он отодвинул людей, шагнул навстречу и не успел сделать и вдоха, как перед ним в тусклом свете фонарей уже стоял Бань Лоу – та самая третья фигура. Мертвенно-бледное лицо; глаза пустые, как черные жемчужины. Ученик перекрыл путь, склонил голову и до крови прикусил губу:

– Наставник...

Дыхание Гун Ди перехватило.

– Где... Миншэн?

Мяо Цзе проложила путь через скопище нечисти, а теперь и послушников порывом воздуха смела с дороги. Освободив место на подстилке, где еще недавно сидели наставники, она

и господин Лю осторожно склонились и уложили бездыханное тело. Наставники окружили их плотным кольцом. Гун Ди медленно приблизился и, побледнев, в безмолвии рухнул на колени.

От одного взгляда на тело всем стало ясно: Миншэну уже никак не помочь. Мяо Цзе не нашла в себе сил. В разбитых чувствах она отвернулась, как неожиданно на нее налетел Бань Лоу.

– Владыка! – прокричал он. – Восстановите барьер!

Мгновение назад лицо его было красным и мокрым от безутешных слез, но теперь глаза полыхали гневом. Словно укушенный бешеной тварью из пещеры, Бань Лоу вопил без остановки:

– Закройте барьер для всех! Лишите У Тяньбао возможности вернуться к нам!

– Замолчи! – В дрожащем голосе Гун Ди послышалась неприкрытая ярость.

Все присутствующие обернулись к нему.

– Нет же! Этот подонок должен остаться там, с теми, с кем он связался!

– Бань-младший! – Гун Ди поднялся, сотрясаясь всем телом. – Что ты себе позволяешь? Сколько еще нужно наказаний, чтобы позабыть обиды?! Ты поклялся именем матери: если разрешу ступить на Туманный хребет, то более ни слова о молодом господине от тебя не услышу!

Лицо Бань Лоу вытянулось от испуга, глаза округлились:

– Наставник, вы просто еще не знаете!

Взгляды собравшихся впились в избранного. Но Бань Лоу, даже несмотря на очевидное недовольство владыки, не успокоился.

– Вы должны поверить мне! Если бы не У Тяньбао... – Он показал на холодное тело у ног и заключил: – Не было бы всего этого!

Что-то недоброе промелькнуло в выражении Гун Ди. Он резко подался вперед, но господин Лю прикрыл Бань Лоу:

– Не стоит горячиться.

Между наставниками появилось напряжение, которое не могли не заметить остальные. Мяо Цзе прервала молчание:

– Благоразумный Гун, владыка, у этого ученика траур. Его хороший товарищ погиб, отнеситесь к сказанному со снисхождением.

Но Бань Лоу лишь сильнее ошетинился после ее слов. Одним движением северянин сбил со своего плеча ладонь наставницы и ухватился за рукоять меча.

– Зачем вы так со мной? Разговариваете, будто это я сошел с ума! У Тяньбао во всеуслышание признался, что имел дела с демоном! Ему было воспрещено пересекать грань, но где он сейчас?! А вы, госпожа Мяо... – Щеки Бань Лоу покраснели от пыла, а глаза блеснули как-то по-новому, когда он взглянул на холодное выражение лица уважаемой. – Вы! Вы были с нами там и все знаете! Обидчик искал вовсе не Миншэна!

Несколько наставников попытались успокоить Бань Лоу, но тщетно. Он увернулся, ядовито усмехнувшись:

– Те, кто напал на Миншэна, приняли его за У Тяньбао! И вы, госпожа, слышали, почему его хотели прикончить. Щенок, рожденный на Севере, – демон! Его называли демоном! Подумайте: как смертный может без опаски общаться с нечестивцем? Да только если сам является таким же!

Бань Лоу улыбнулся, увидев, как наставники растерянно отступили. Вдруг перед его лицом возник владыка. Не успев среагировать на выпад, Бань Лоу обронил оружие и упал рядом с усопшим товарищем. Он коснулся синеватой ладони и, разрываемый эмоциями, закричал:

– Миншэн ни в чем не виноват! Это У Тяньбао! Всегда так было! Почему вечно верят ему, а не мне? Почему?!

Владыка молча удалился. Гун Ди заметил раздраженный взгляд достойного, и это выбило его из равновесия.

– Да что с тобой? Ты не исправим!

– Нет! Это не так!

– Оглянись, Бань-младший. – Гун Ди навис над учеником, и казалось, это уничтожило Бань Лоу. – Зависть у тебя в крови! Неужели твоя судьба – стать как отец? Миншэн погиб, а ты все продолжаешь думать, какими наговорами очернить наследника!

В конце концов и он, прикрыв покрасневшие глаза, ушел. Другие наставники тоже растворились, оставив Бань Лоу одного.

Владыка вернулся к барьеру. Остальные ждали его решения и не торопились действовать без четких указаний. Однако достойный, как и ранее, поглядывал в небо, более не заводя речи об У Тяньбао. Прошло немного времени, и за спиной владыки поползли шепотки:

– Выходит, это из-за смерти избранного Небеса так разбушевались? Не дайте мне соврать, всем своим существом я уже предчувствовал гибель всего земного. Страшнее этого только потоп в Поднебесной, прозванный в народных сказаниях Белыми днями...

– А что, если из-за двоих? – собеседник тихо поправил молодого даоса.

– И то верно. Возможно, и У Тяньбао уже нет с нами. Наглеца же накануне лишили берега. Какая собака его укусила? Сам кинулся в пасть опасности без должной подготовки, так и других погубил! Совсем не думает о товарищах.

– А ведь помешательство Баня-младшего началось не на пустом месте. Немало я слышал о непослушании наследника... Поговаривают, У Тяньбао часто задирает этих двоих, наказы старших не исполнял, так еще и клан выставил в скверном свете: чего только стоит та выходка с кражей лошадей! Немудрено, что он спутался с нечестивыми силами. Ох, бедный его наставник...

– Бедный, и не говорите. Господин Го мне даже очень нравился. Знал свое место, не лез в чужие дела, ни слова плохого за все это время не обронил! Нес спокойствие в нашу обитель. Его мне больше всего будет не хватать. Ай!

Несколько человек обернулись на вскрик. Рядом стояла Мяо Цзе, зажавшая в ладони внушительный веер, который, по-видимому, чуть не сломала о голову даоса.

– Кто вам позволил говорить о наставнике как об усопшем?! – прошипела она.

Юй Фу, который то и дело спасал людей от конфликтов с Мяо Цзе, не поспел в этот раз. И, остановившись поодаль, горько вздохнул.

– Н-но... – Послушник потер затылок. – Сами же видели, что там творилось. Вам поистине улыбается удача: вернулись невредимой. А господин Го... У него даже духовного оружия при себе не оказалось, когда он за учеником рванул! А ведь только небожителю под силу вынести подобную бурю... Ну или нечестивцу, – последние слова он почти шептал, исподлобья поглядывая на госпожу.

Мяо Цзе отмахнулась веером. Парочка молодых даосов встрепенулась от резкого движения.

– Глупость. Ничего с ним не станет, – заверила она, однако тень сомнения все же промелькнула в ее глазах.

Лао Вану, прибывшему по указу владыки, видимо, разговор тоже пришелся не по душе. Он отправил двоих сплетников повторно прочесывать окрестности. Немного погодя и другие послушники ушли проверять расставленные талисманы. Вот-вот тигр должен был сменить быка¹, а нечестивое отродье ослабеть, но во временном барьере по-прежнему появлялись

¹ «Час Быка», согласно древнекитайскому времени, – период с 01:00 по 03:00, «Час Тигра» – с 03:00 по 05:00. То есть вот-вот наступит 03:00.

бреши, откуда вылезали демоны. Поэтому всем лишний раз требовалось убедиться, что Чжоухэ более не пострадает. Собравшиеся у скалистого выступа приготовились к возможному бою.

Однако время шло, а затишье перед бурей становилось все напряженнее. Демоны по ту сторону заливались рокотом, похожим на издевательский хохот, будто бы праздновали рождение чего-то темного и зловещего. Ночное небо было таким же мрачным, без единого проблеска лунного света. Послушники укрепили истончившуюся преграду от нечисти; наставники и избранные столпились в тени владыки. Мяо Цзе шагнула вперед и поравнялась с достойным. Оба стояли лицом к пещере, не обращая внимания друг на друга. Остальные же заметно из-за этого насторожились.

Неожиданно облака окатило золотым сиянием. Небесный свод загромыхал, а вода в кадке на земле качнулась.

– Да что такое! – Господин Лю решительно обнажил свой меч.

Все повторили за ним.

– Неужели все по новой?! – возмутился вполголоса Юй Фу.

Мяо Цзе раскрыла второй веер. Владыка тоже не остался в стороне – взмахнул широким рукавом строгого одеяния. Их действия утомили порыв ветра, который мчался на них. Листья и всякий сор, кружащиеся в воздухе и попадающие в глаза, осели, и все ясно рассмотрели: временный барьер в одночасье рухнул, а пещера опустела, будто бы и не было там никого. Хотя...

Несколько послушников сотворили простое заклинание, и крохотные огоньки тотчас метнулись в густую мглу. Оказалось, в пещере и правда не осталось ни души. Вот только сами демоны никуда не исчезли. Их тела, сотканые из гнетущей энергии, из первозданного хаоса, лежали среди камней – как опустевшие сосуды, из которых высосали жизнь.

Внезапный запах скверной крови ударил в нос. Источники света потухли от напора неизвестной силы. Наконец из пещеры донесся звук тяжелых неспешных шагов. Одинокая фигура словно не замечала поверженных тварей и уверенно ступала по ним – так, что хруст костей и шуршание праха эхом разносились по округе.

Наставники заслонили учеников и с опаской посмотрели на незваного гостя.

– У Тяньбао! – стоя над усопшим товарищем, вскричал Бань Лоу. Он извлек Хуасинь из ножен и указал на пещеру.

В ответ во мраке расщелины мелькнул желтый отблеск. Несколько послушников зашептали, что заметили звериный взгляд, полный жажды крови. Все вопросительно уставились на владыку, но он был совершенно спокоен и, казалось, никак не удивлялся происходящему.

– Линь, – подозвал достойный, – проследи, чтобы молодой господин Бань не сотворил еще чего. Допускаю использование Вечных пут. – И снова поднял голову к небосводу.

В тот же миг грозовые тучи рассеялись, и на Поднебесную пролился свет вернувшейся луны. Скалистая местность заиграла бликами. Серебристый луч озарил вход в пещеру, когда из нее действительно вышел У Чан.

Наставники не успели облегченно выдохнуть, как... по их рядам пронеслось замешательство.

– Что... Что это значит?

– Неужели и он?

Их взоры приковало тело знакомого человека на руках У Тяньбао. В воздухе повис немой вопрос: вдруг неразумный даос говорил правду и господин Го... Но Лао Ван не поддался дурным мыслям и прогремел:

– Не приближайтесь!

Все немедленно отступили.

Владыка перегородил путь шагнувшей вперед Мяо Цзе. Ее тотчас пробрала злость, и веер в руке дернулся. Ничего не предприняв, она высунулась из-за плеча достопочтенного, взглянула на избранного и замерла.

У Чан с дрожащей улыбкой прижимал к себе тело наставника так, как никто другой не посмел бы. Слезы скатывались по его щекам и падали на бледную шею Го Бохая. В конце концов наследник вцепился в учителя с отчаянием, какое Мяо Цзе никогда и ни у кого не видела.

Наставники обеспокоенно потребовали:

– Сделайте же что-нибудь!

– Если еще не поздно...

Выражение лица владыки переменялось, точно он обдумывал эту возможность. Лао Ван подошел к достопочтенному и ровным голосом доложил:

– Как вы и предполагали, У Тяньбао себя не контролирует. Сила пробудилась и завладела им, так что... стоит поскорее подавить ее для всеобщего блага.

Слепой даос спрятал в рукав приготовленные бумажные обереги, будто надобность в них отпала. Владыка глубоко вздохнул, как вдруг за их спинами послышалось:

– Сила? – Мяо Цзе не скрывала интереса.

Проницательный взгляд достопочтенного опустился на нее. Какой-то особой неприязни между ними раньше не прослеживалось, но сейчас казалось, словно она существовала уже много лет. На мрачных лицах ясно читалось: теперь Мяо Цзе при первом же удобном случае попытается защитить избранного от немилости владыки; а достопочтенный готов погубить любого ради своего бывшего воспитанника.

Не успели они что-то сказать, как земля затряслась. Люди обернулись на голос Бань Лоу, прокричавшего: «Демон!» – и обомлели от вида глубоких трещин, изрезавших почву. Одного удара его меча хватило, чтобы все в округе отскочило в ужасе.

Владыка недобро покосился на молодого даоса. Линь Цин еле сдерживал слезы из-за своей оплошности. Немного помедлив, он все же обездвигил избранного, накинув на него Вечные путы. Но большинство уже глазели на эту унижительную картину и причитали.

Мяо Цзе и владыка вновь повернулись к пещере. Наставница съежилась от холода, пробежавшего по плечам: нечто опасное тайком прибыло в подлунный мир. Оба устремили взор на У Тяньбао, а после – во мрак пещеры и разглядели, как тени, отбрасываемые ветвистыми деревьями, с невероятной скоростью поползли на избранного.

– В сторону!

Владыка плавно откинул широкие рукава и хлопнул ладонями. В то же мгновение бережно державший учителя У Тяньбао рухнул на колено. Плечи опустились, словно на них сошла лавина; из горла вырвался протестующий рык. Весь его вид кричал: «Со мной так нельзя! Не позволю!»

– Неужели... подавление воли?

Никто из собравшихся прежде не сталкивался с подобным вживую. Многие двинулись вперед, чтобы рассмотреть, но Лао Ван преградил им путь. Также ощутив присутствие неизвестного, он отдал приказ послушникам, и те молниеносно возвели барьер, отгородивший толпу.

На всякий случай несколько избранных отступили. Другие же не отрывали взгляда от плененного. На что еще был способен владыка, если столь мощная техника нисколько его не отягощала?

Достопочтенный даже не нахмурился. Спокойным шагом он приблизился, протянул руки к Го Бохаю, но... так и не коснулся его. У Чан, преодолевая боль и прилагая колоссальные усилия, поднял голову! Владыка оцепенел, и окружающие тотчас догадались: под подавлением воли это считалось невозможным.

Желтый отблеск мелькнул в затуманенных глазах У Тяньбао.

Тем временем Мяо Цзе также очутилась рядом. Пожалуй, то была удача, которую в последнее время уж слишком часто приписывали наставнице. Но она не отреагировала подобно владыке, а наследник не кинулся на нее.

От приятного открытия Мяо Цзе преисполнилась бесстрашия, однако в тот же миг ее взор зацепился за почти бескровные черты Го Бохая. Еще никогда прекрасный лик этого мужчины не выглядел столь изнеможенным. Потрескавшиеся губы наставника сжимались от боли.

– Теперь вы увидели, почему он опасен. – Снисходительный тон владыки зазвенел в ушах Мяо Цзе.

Она подняла взгляд и заметила, с какой брезгливостью владыка смотрит на У Тяньбао, так что, недолго размышляя, прошептала:

– ...старый, всезнающий пес... Мы премного уважаем вас, уверяю, господин Го не исключение. Пожалуй, я облегчу вашу задачу и возьму на себя ответственность за наставника.

– Что?

Мяо Цзе снова мельком посмотрела на лицо стоявшего рядом: все так же ни тени мягкости. Она вознесла второй веер над головой.

– Кто-то должен будет поведать Го Бохаю, как великодушно вы снизошли до У Тяньбао в трудную минуту. Я предчувствую – удача благоволит владыке, и точно знаю, что вы никогда не навредили бы этому избранному.

С этими словами Мяо Цзе склонилась к наследнику, и на скалистый выступ обрушился шквал. Ткани одеяний присутствующих закружились, волосы упали на глаза, закрывая обзор.

– Что... что происходит?

Потоки воздуха заплясали в диком вихре. В их глубине мелькнул женский силуэт. Владыка ринулся в его сторону, вытянув руку, но... Вдруг все успокоилось – будто и не начиналось. Достопочтенный устал и вздохнул и встретил пылающий взгляд плененного наследника.

Мяо Цзе украла Го Бохая прямо у них из-под носа. И каждый, казалось, знал: одурманенного силой У Чана это разгневало куда больше, чем сам владыка, подавлявший его волю секунду назад.

Глава 64

Часть 2

Корни и ветви

В темной маленькой комнате двое невольно столкнулись взглядом. Один сильно нервничал; выпрямив спину, он нес в руках поднос скромных угощений. Второй был подавлен и явно не желал снова поднимать на непрошеного гостя черные как ночь глаза.

Мявшийся некоторое время на месте Линь Цин хотел было нарушить молчание, но не смог подобрать слов. Вдруг до него донесся сухой и шероховатый голос господина в углу кровати.

– Что еще?

Распушенные серебряные волосы стекли по плечам, когда У Чан прислонился к стене и дернул рукой, проверяя свои черные наручи. Наручи, которые некогда так полюбились ему. Теперь они подобно оковам намертво сцепились друг с другом, не позволяя даже развести ладони.

Линь Цину показалось, что держать почти десять дней мужа столь благородного происхождения на одних пресных лепешках и воде, без выхода на солнце и в купальни, совсем бесчеловечно со стороны владыки. Грусть заиграла в молодом сердце послушника, он шагнул навстречу, однако быстро припомнил, чем закончилось получение благосклонности Небес.

Поместить наследника под охрану на время расследования – ожидаемое решение. Линь Цин все же подошел и поставил блюдо на единственный столик в комнате. Его взгляд пробежал по нетронутой за несколько дней еде.

– Господин У, – не оборачиваясь, тихо забормотал он, – этот неугодный всегда был предельно честен с вами. Вы морите себя голодом, выказывая недоверие. Однако уверяю: все, что я рассказал, – чистая правда. Когда-нибудь вы вспомните те события.

Ранее наследник демонстративно отворачивался или же раздраженно цокал в ответ, едва послушник заговаривал с ним. Ныне и с кровати не сползал. Линь Цин подозревал, что и сегодня он не дожидается реакции от собеседника. Но неожиданно услышал усталый голос:

– А какой в этом толк? Дважды под домашним арестом... Даже если завтра все обстоятельства выяснят, а с меня стряхнут грязь от наговоров, в глазах других я навсегда останусь виноват.

Линь Цин взволнованно воскликнул:

– Нет-нет, что вы! Кто осмелится косо смотреть, если господин совсем ни при чем?.. – Но вдруг и сам поник. Его несогласие не звучало уверенно: по-видимому, среди наставников и избранных уже появились те, кто считал иначе. – Еще немного. Потерпите еще малость. Ситуация несколько усложнилась. Все сейчас напряжены, даже я не могу вообразить, куда мог пропасть мой отец.

В тени послышались звуки ворочания. У Чан неторопливо придвинулся к краю кровати с совершенно серьезным выражением, словно говорил: «Внимательно слушаю».

Из рассказов Линь Цина он хотя бы узнавал, что творится вокруг. Например, когда ужасный переполох на Туманном хребте улегся, стало известно, что демоницы – те самые, которых Го Бохай и его ученик поймали в городе невест, – сбежали. Дочери семиной паучихи сбросили смертные обличия и наострили лапы в родной мир при первом же удобном случае. К сожалению, в тот момент охрана обольстительниц занималась иными важными делами – сражалась с другой нечистью. Следом чиновники с Небес попытались призвать к ответу владыку и старейшин-летописцев за все произошедшее в эту ночь. Говорят, над достопочтенным, вид которого напоминал холодный камень, никогда не сгущались столь черные тучи. Превосходнейший не только среди земных бессмертных, но и среди небожителей был вынужден молча выслушивать недовольства и причитания подобно провинившемуся юнцу. И вот на днях подтвердились опасения: в Чжоухэ пропал десяток горожан – точно под землю провалился. Со слов Линь Цина, именно новые проблемы, которые валяются каждый день на владыку и послушников, не дают вернуться к расследованию, связанному с У Тяньбао.

Для У Чана наступил долгожданный момент, чтобы уточнить:

– Выходит, небожители снова являли свой лик?

Линь Цин украдкой посмотрел на него и оторопел от неожиданности: потухший взгляд наследника вмиг разгорелся недобрым пламенем.

У Чан холодно спросил, сжимая ладони:

– Кто именно из бессмертных?

Однако в мыслях он звучал иначе: «Будь это тот любитель золотых доспехов, а я не под домашним арестом, то ждать бы не пришлось, – уже давно бы висел на дереве с переломанными ребрами!»

– Увы, знать мне не дозволено, – покорно ответил Линь Цин.

Понимая, насколько разговор может затянуться, он присел на стул.

– Даже если бы я пошел против уставов и отправился в пагоду, чтобы увидеть бессмертного, то тут же лишился бы одного из чувств.

Бровь У Чана взлетела: разве не глупо? Небожители постоянно – то во снах, то наяву – являются к людям, дабы предупредить об опасности.

Линь Цина позабавила такая реакция, он почти улыбнулся, но вовремя подавил порыв, покашляв в кулак. Общаясь с наследником, даос привык к некоторым его особенностям. Как бы упорно У Чан ни сдерживал интерес, тот зачастую читался в темных глазах.

Линь Цин напустил на себя заумный вид, подражая старшим собратьям:

– Одно – когда бессмертный по личному делу спускается в подлунный мир. Другое – когда решается вопрос небесных чертогов. Нельзя, чтобы у проблемы отросли уши или злые языки. – На мгновение он замолчал, словно вспомнил нечто. – А знаете, я все же поделюсь с вами кое-чем. Однажды с нашим мудрым братом Лао произошла несправедливая история. Он бы никогда не пошел против правил, как и я. – С серьезным выражением Линь Цин хлопнул себя ладонью по груди и продолжил рассказ.

Случилось это давным-давно. Лао Вана на весь день отправили в пагоду, чтобы наконец навести там порядок. Еще в раннем возрасте он обзавелся отличительным качеством – выполнять любое задание, строго соблюдая уставы и погружаясь в него с головой. В те времена владыке такие люди были особенно по душе.

Так и в этот раз Лао Ван подошел к работе, полный решимости выполнить поручение, чтобы сам достопочтенный отметил его заслуги. Перебирая древние учения, вымаривая мошь и книжную вошь со старых страниц, он и не ведал, что минуло много часов. На небе уже висела луна; за окнами мирно порхали светлячки. Но вдруг мелькнула вспышка. Прямоком из облаков в пагоду ударил столб света, и вместе с ним перед Лао Ваном объявился молодой ладный небожитель в белых парящих одеждах. Черты его лица, фигура – все сияло божественной аурой. Вдобавок внутри пагоды стало столь ярко, что Лао Ван, не ожидавший появления бессмертного, закрыл глаза от нестерпимой боли, хлынувшей в голову. Мучения охватили его: он не смог ни звука проронить и сразу потерял сознание. Сам небожитель... находился в крайне скверном расположении духа, раз он, не заметив Лао Вана, стрелой помчался по своим делам на Туманном хребте. С тех пор Лао Ван так и не вернул способность видеть, а владыка добыл для него у бессмертных артефакт – ленту, которая усиливала остальные чувства слепого даоса.

– Если бы тот бессмертный знал, что в пагоде послушник, то еще можно было бы что-то сделать, – горестно произнес Линь Цин. – Ох, вы только при брате не вспоминайте эту историю – уж слишком больно ему из-за тех времен.

Все это показалось У Чану знакомым. Не так давно он с другими избранными обсуждал нечто подобное. В той легенде тиран-владыка отнял у трусливого послушника возможность ясно видеть, а в этой вышло иначе. Как ни крути, эти две истории рассказывали об одном и том же. У Чан так и не определился, в какую больше хочется верить. Осознав, что разузнать

правду не выйдет – кто из небесных чиновников ныне являлся к владыке и с какой целью, – наследник тяжело вздохнул:

– А что ты упоминал ранее? Почему расследование снова отложили?

Честный Линь Цин вдруг неумело заюлил:

– До меня доходили одни лишь слухи. – Он энергично махнул рукой. – Этому нет подтверждения, так зачем строить догадки раньше времени?

Над неумением послушника врать – и не посмеяться, и не поплакать вдоволь. У Чан читал его точно открытую книгу и уже придумал, как можно надавить. С наигранным нежеланием продолжать этот диалог он закинул ноги обратно на кровать и собрался завалиться спать. Линь Цин ожидаемо подскочил, как кролик на стуле.

– Хорошо-хорошо, знаете же, что обсудить это мне не с кем... все сейчас заняты, – недовольно пробубнил он. – Вот только обид на меня не держите.

Заинтригованный началом, У Чан хотел было поудобнее расположиться, но наручи вновь сковали движения. Подавив глухой рык, он вернулся к разговору.

– Припоминаете недавний случай? Когда вас впервые поместили... кхм, под домашний арест. – Линь Цин отвел глаза. – Тот кочевник, который обвинил господина У в краже, а после – в связи с нечестивцем. Мы предоставили ему в монастыре скромные удобства. Предполагалось, что расследование быстро подойдет к концу. Но в последующие дни все завертелось с такой силой и скоростью, что мы только сейчас хватились: этот человек исчез, будто ветром унесло.

У Чан не сдержал язвительного оскала: «Надо же, все вокруг загадочным образом посбегали да исчезли».

– Дело вот в чем, – продолжил Линь Цин. – Очень многим история с лошадьми показалась подозрительной. Особенно когда вы и наставник Го признали украденный из поместья клана У локон. И вот на днях пришло новое известие: то самое кочевое поселение также исчезло вместе со свидетелем.

Выходит, либо наговорщик испугался и решил скрыться, когда появились опровержения, либо он сделал все необходимое и потому растворился. У Чану больше верилось, что если это и было правдой, то за этим явно стоял кто-то конкретный. Да и к тому же при больших средствах, чтобы позволить себе управлять целым поселением на пути наследника.

– И что ты этим хочешь сказать? – У Чан лениво размял бока, ворочаясь на кровати. – Получается, я вовсе не негодяй, который без зазрения совести крадет у бедных людей, а обычная жертва чужой предвзятости и наговоров!

Он ликующе завершил подготовленную тираду, но ожидаемого счастья так и не ощутил. Его взгляд снова померк и застыл на никчемном потолке маленькой комнатки.

– Владыка наказал отыскать причастных, – горячо начал Линь Цин, чувствуя несправедливость. – Эти люди перешли черту, когда решили творить бесчинства на Туманном хребте. Непростительно! – Он надулся подобно рыбе-ежу. – Запомните, господин У, если не хотите в будущем оскорбить любого главу, никогда не устраивайте беспорядки в его обители. И...

Линь Цину показалось, будто бы его не слушают. Он легонько коснулся плеча наследника пальцем, чтобы привлечь внимание:

– Если бы вы в Небесном павильоне не признались, что имеете дело с демоном...

У Чан зажмурился и мотнул головой, словно та резко разболелась:

– Сколько же еще повторять? С этим притворщиком я дел не имел и не имею!

– И все же. В ночь получения благосклонности Небес демон находился рядом с вами, – серьезно парировал Линь Цин. – Тут уж правда не на вашей стороне.

– Следи, что говоришь!

Слова наследника вернули Линь Цина с небес на землю. Он виновато опустил взгляд, не осмеливаясь что-либо добавить.

Упоминание того вечера неприятно отдалось во лбу У Чана. Он усердно размял точку между густых бровей. Когда Линь Цин впервые сказал про демона, сердце наследника екнуло. Он испугался и сразу подумал на наставницу Мяо: похоже, это она поведала владыке о маленькой змее, прячущейся в потайном нагрудном кармане. Любой на ее месте поступил бы в точности так же. Однако он ошибался, и, как оказалось за время домашнего ареста, Мяо Цзе и словом про Сянцзяна не обмолвилась. У Чан долго гадал, подозревая теперь любителя золотых доспехов. Тот сошелся в битве с демоном Тьмы, видел его лично, – все ясно как день. Но нет, прознал владыка о нечестивце иначе.

В ту ночь, по словам Линь Цина, наставница Мяо только успела перенести господина Го в безопасное место. И в одно мгновение в У Чане проснулось нечто опасное. Он накинулся на владыку подобно дикому, но шустрому псу. Любой, кто пытался помочь, становился врагом в глазах У Тяньбао. Лишь позже для многих открылась тайна: он потерял контроль над собой и своими эмоциями. Техника подавления воли, которую применил владыка, уберегла людей. Пересказ Линь Цина так и остался бы коротким, однако... никто не ожидал, что произойдет следом.

Луна померкла. Присутствующие подняли головы к небу и застыли в оцепенении: они увидели, как плотная тень высотой в четыре чжана² устремилась ввысь. Подобно черной морской волне она поглощала все на своем пути и почти обрушилась на них. Все инстинктивно прикрылись; наставники заслонили учеников. Один Линь Цин, замороженный белой фигурой владыки, не смел отвернуться.

Неожиданно тьма спала. Из широкого рукава почтенного хлынула кровь, словно он на лету остановил что-то острое и опасное; в ногах зверем выл и вырывался У Тяньбао. Взгляд владыки впился в нечестивца, появившегося у пещеры. Аура обоих бушевала враждебностью, точно они желали изничтожить друг друга.

Линь Цина пробрала дрожь, стоило ему вспомнить лицо того демона. Безумное выражение ярко запечатлелось в его кошмарах. Без ясных на то причин спина, а затем и затылок послушника онемели. Сердце зашло так, будто он сейчас стоял перед ним.

У Чан заметил, как собеседник притих.

– Перестань, владыка же прогнал его.

Линь Цин был единственным, кто увидел в ту ночь демона Тьмы. Он даже владыке побоялся рассказать об этом – каждый раз впадал в оцепенение от воспоминаний. Потому наследник догадывался о его опасениях: вдруг нечестивец захочет, чтобы свидетель испарился следом за пропавшим отцом?

По какой-то причине У Чан знал, что Линь Цин – земляной червь в глазах Сянцзяна. Тот скорее изведет его своим безразличием, чем будет тратить время на юнца.

– Скажи, – пальцы У Чана крепко переплелись в этот момент, – как там остальные... и Бань Лоу?

Под конец вопроса наследник ощутил, как вязкий ком застрял в горле. Он все еще не мог принять, что Цюань Миншэна не спасли.

И Линь Цин как назло печально сообщил:

– На воротах господина наконец вывесили траурные фонари и надписи.

В следующую минуту оба, погружившись в молчание, не смели не только говорить, а будто бы и думать.

Чуть ранее Линь Цин покачивал головой, только услышав вопрос. А сейчас... его ответ удручал.

Бань Лоу долгое время не желал начинать погребальный обряд. Вместо этого он молил владыку провести ритуал возвращения души. Что, если Цюаню еще можно помочь отыс-

² Чжан – мера длины, равная в современном исчислении 3,2 м.

кать обратный путь? Он ведь избранный, который получил благосклонность Небес. Вдобавок пострадала только земная оболочка. Однако занятый иными делами достопочтенный без объяснения причин твердо объявил: «Это невозможно». Баня-младшего трое суток видели сидевшим у порога Небесного павильона; он не уходил, даже когда Гун Ди прогонял его тумакми. Со слов Линь Цина, после дня получения благосклонности Небес дождь лил не переставая, а облака не позволяли ни единому лучику солнца пробиться к Поднебесной. Как Бань Лоу только не замерз насмерть? Он готов был ждать сколько угодно, но решение все равно не изменилось.

– Господин Бань изъявил желание, чтобы похороны провели по северным обычаям. Брат Лао родом из ваших земель, он вызвался помочь со всеми приготовлениями и подобрать для погребения благоприятную дату.

У Чана все еще не отпускала тревога из-за двух загадочных девиц, которые повстречались ему в царстве демонов: казалось, он уже видел их когда-то.

– А что с убийцами Цюань Миншэна? Ты передал мои слова владыке? – с надеждой поинтересовался он.

Линь Цин огорченно вздохнул:

– Они полностью совпали с докладом уважаемой Мяо, не было надобности повторять сказанное дважды. К сожалению, владыка – не Гуань-инь³. Он может многое, но не все сразу.

У Чан не стал возражать, поскольку прекрасно понял, о чем зашла речь: если владыка по-прежнему занят, значит, все еще озабочен духовным и физическим состоянием пострадавших. Наследник собрал волю в кулак и решительно взглянул на Линь Цина. Настал момент переступить через свои страхи и расспросить его еще кое о ком.

В первые дни домашнего ареста, едва придя в чувство, У Чан накинулся на Линь Цина с криком: «Где мой учитель?» И это звучало скорее как угроза, чем вопрос. Если бы не наручи, может, случилось бы что-то и похуже. Линь Цин тогда позеленел от ужаса. Лишь успокоившись, У Чан стал проявлять терпение: часами высматривал Линь Цина, уставившись на хлипкую дверь; слушал все, о чем тот хотел поведать, даже если его это не интересовало.

Цюань Миншэн погиб; Бань Лоу и его наставник в глубочайшем трауре; Мэн Чао сильно пострадал. У Чан не мог позволить себе открыто переживать об одном только учителе. Он стоически ждал момента, когда скажут: «Ваш наставник... Он пришел в себя!»

– Господин У, не тревожьтесь, – прервал его размышления Линь Цин. – Уверяю, владыка обеспокоен не меньше вашего. Все будет хорошо.

Бесхитростная улыбка добродушного парнишки умирала нахлынувшее волнение. Прилично времени прошло за разговором. Линь Цин сослался на другие дела, поднялся со стула, поклонился и, как обычно, ушел на самом важном.

До позднего часа У Чан из кровати наблюдал за миром через маленькое окно. Несколько даосов в работе бродили туда и обратно, но, как назло, умолкали, когда проходили мимо. Зайти к наследнику дозволили лишь послушникам обители. И, к сожалению, никто, кроме Линь Цина, не решался даже посмотреть в его сторону.

Солнце исчезло с горизонта. Послышались стрекотания ночных насекомых. Линь Цин не вернулся, а значит, и сегодня без добрых известий. У Чан прилег на подушку и бросил взгляд на сцепленные артефактом руки. Удивительно, как быстро он привык к этому. Линь Цин ведь ранее говорил: «Эти наручи не будут сковывать ваши движения». Получается, не так уж и обманул.

Напоследок, перед тем как уснуть, У Чан окинул взором комнату. В прошлый раз именно здесь он накричал на наставника – на единственного человека, который понимал его. Стыд за

³ Почитаемое в буддизме просветленное существо милосердия, сострадания и исцеления. Часто изображается как богиня с множеством рук.

слова, произнесенные грубым, совсем не подходящим тоном, столь крепко впился в воспоминание У Чана, что казалось, будто его отвратительный голос все еще отскакивает от стен:

«Дождаться, когда вы решитесь мне рассказать, что происходит? Так же, как с Лун Синь?» – Стоило сомкнуть веки, и сказанное звучало в голове еще громче.

В памяти мелькнуло лицо наставника: растерянный, он не знал, что и ответить; глаза покрыла пелена обиды. Имел ли он право упоминать Лун Синь, зная, как много она значила для учителя?

«Почему... вы не вlepили мне как следует? Этот ученик не развалился бы».

Но боль на душе никак не унималась. У Чан понимал: если наставник тогда чего и хотел, так только одного – не видеть его.

Под домашним арестом почти не спалось – точно в наказание У Чан обзавелся дурной привычкой учителя крутиться в постели. Перекатывался с бока на бок; описывал круги по комнате; даже вжимался лицом в подушку, лишь бы задремать. Однако каждый раз к нему возвращался кошмар, в котором он держал на руках холодное тело дорогого человека.

Сегодняшняя ночь не стала исключением. У Чан то и дело подрывался в ледяном поту; сердце заходило в безумном плясе. Не раньше полудня наконец удалось забыться, но и тогда его разбудили: в дверь ураганом ворвался Линь Цин. У Чан думал, у него душа выйдет вон от такой неожиданности, но та была уж слишком занята страданиями.

– Господин У, ваши слуги передали чистые одеяния. – Протягивая сверток, он продолжил: – Здесь все, что понадобится для посещения купальни. А это...

Он тараторил без передыху, рассказывая все необходимое. У Чан даже счел Линь Цина истинным наказанием, посланным владыкой, но вдруг его осенило. В прошлый раз под домашним арестом принес одежды другой человек. Неужели...

Смирение, накопленное за дни, испарилось вмиг. У Чан хорошенько тряхнул Линь Цина, схватив за плечо.

– Говори! – Кадык наследника нервно дрогнул.

Линь Цин недоумевающе похлопал глазами:

– Владыка проявил милость и издал указ: ваш домашний арест окончен! – В подтверждение своих слов он воодушевленно показал на черные наручи У Чана. Хотя они все так же оставались на запястьях, но более не походили на тиски: руки освободились.

Резкие перемены в поведении Линь Цина кричали: что-то случилось. У Чан боялся и думать, что именно. До этой самой минуты почтенный не давал точного ответа, сколько ему пребывать под домашним арестом. У Чан не роптал только потому, что не желал ухудшать положение – его и так уже во многом винули.

«Кто же так новости сообщает? Чуть не умер на месте из-за мрачных домыслов!» – Аккуратно визнавав подробности у Линь Цина, У Чан вяло побрел напрямиком на горячий источник.

Оказалось, владыка принял благоприятное решение ради прощания с усопшим. Всем предстояло посетить двор господ и выразить соболезнования. В конце концов, со слов Линь Цина, почтенный и старейшины-летописцы не считают наследника Севера причастным к гибели Цюань Миншэна. Показания Мяо Цзе лишний раз подтвердили это. Просто пока Го Бохай был не в состоянии защищать своего ученика, а расследование оставалось незавершенным, У Чана продолжали держать в стороне ото всех, чтобы обезопасить его. Если бы не демон Тьмы, У Чан и вовсе избежал бы этого.

«Пусть только посмеет явиться в купальню – я этого притворщика пузыри научу пускать». У Чан отвел душу, едва вспомнив о нечестивце.

К тому времени, как он добрался, солнце начало понемногу тускнеть. Золотые облака сопровождали У Чана в скромное снаружи, но расписанное изнутри строение. Пар от горячей воды витал в воздухе. Обычно это место вызывало теплые чувства. Однако не сейчас. Перешаг-

нув порог, наследник обнаружил, что купальня пуста, словно все умышленно избегали встречи с ним.

У Чан хотел было развернуться и побыстрее отправиться к себе, но его остановило собственное отражение в воде: неподобающий, растрепанный вид – без слез не взглянешь. Он скорее походил на бродягу, но никак не на господина благородного происхождения.

«Нельзя больше огорчать учителя».

Несколько часов У Чан отмокал и оттирался мыльным корнем и душистыми маслами. Складывалось впечатление, будто он только вернулся после долгого пути, – как печально, что это не так. Зато теперь можно было с чистой душой отправиться к себе.

Одним движением откинув влажные волосы назад, У Чан напоследок окатился холодной водой из таза. Белесая кожа тотчас покрылась мурашками; мышцы напряглись, и на них проступил рельеф. Поговаривали, это место смывало все тревоги – похоже, не врал. У наследника этот источник словно многолетние тягости забрал. Стоило вновь увидеть свое лицо в отражении, и губы уже тронула улыбка.

Без промедления У Чан накинул свежие одеяния, небрежно завязал мокрый хвост и с волнением собрался на каменный дворик. Едва он сделал шаг на улицу, как перед ним возникла парочка подчиненных. В глазах тетушек искрилось счастье от одного взгляда на помилованного господина. Да что уж там, У Чан опасался, что те взревет и упадут в ноги, лишь услышав его голос. Поэтому он молча им кивнул. Тетушки забрали сверток и побрели следом.

На подходе к своему домику У Чан невольно остановился. Смерклось, и среди темно-зеленых пейзажей взор выцепил множество фигур, облаченных в белое. Подобно неприкаянным душам, они бродили у распахнутых ворот. Кто вышел из дворика проверить огонь траурных фонарей, кто – убедиться, что парные полотнища не унесло ветром⁴, кто выслушивал наказы о приготовлениях. Из всех этих копошащихся мух выделялся юный даос с растерянным выражением лица и неуклюжими руками – Линь Цин!

Как тут не узнать паренька, когда он снова набедокурил и, на ходу ругая себя, подбирал рассыпанные по земле фрукты. Вдруг к Линь Цину медленно приблизилась поникшая фигура в холщовых одеждах – вероятно, этому человеку так же, как и наследнику, неловко было наблюдать за происходящим. У Чан пристально всмотрелся: головной убор и одеяние скорбящего – увиденное натолкнуло на догадку, кто перед ним.

– Ой-ей, постойте!

Заметив, что У Чан засобирался напрямиком на двор северян, тетушки всполошились и вовремя перекрыли путь.

– Не стоит. Что же вы намерены делать, если отправитесь к господину Баню? – сказала первая.

– Не сегодня! – подхватила вторая. – Вы сами посмотрите, вот-вот в доме усопшего начнется вечернее совершение поклона. Вряд ли вашему визиту будут рады – это только для близких и родственников.

– Верно-верно.

Словно в подтверждение, Бань Лоу поправил белый головной убор, взял в руки ритуальные вещи и, еле волоча ноги, вошел в домик в сопровождении наставника. Более никто из послушников не последовал за ними. Двери закрылись, и все разошлись по своим делам.

⁴ В день приготовления похорон на воротах вывешивают парные полотнища.

Одна из тетушек украдкой взглянула на лицо У Чана и горестно вздохнула:

– Не печальтесь. Со временем любые раны затягиваются, даже от потери близкого.

Как легко они рассуждают о таком.

И все же У Чан не поддался на их уговоры. С тревогой он наблюдал за зданием, в котором растворился блеклый безотрадный силуэт, поскольку был уверен: Бань Лоу тяжело переносил одиночество.

После знакомства У Чан замечал за ним странности. Может, из-за требовательного отца, может, из-за смерти матери. Бань Лоу, не знавший женщину, подарившую ему жизнь, то и дело пропадал у могильного камня с высеченным на нем нежным именем Хуасинь. Он не хныкал и не вызвал к человеку в земле – лишь изредка проводил пальцем по иероглифам. А чуть повзрослев, стал чаще появляться в компании угодливо блеющих ровесников. Со стороны выглядело так, будто бы он поборол одиночество и теперь довольствуется своим положением. Однако зависть, искрящаяся в его глазах с малых лет, почти всегда вспыхивала, стоило поблизости возникнуть хоть кому-нибудь. Оттого казалось У Чану, тянулся Бань Лоу к наследнику только потому, что тот с детства не признавал ни мать, ни отца. Оба чувствовали себя сиротами.

У Чан мог поклясться, что Цюань Миншэн, по которому Бань Лоу скорбит сильнее, чем по матери, не самый лучший товарищ, а всего-навсего отлично натасканная собачонка. Бань-младший ни слова хорошего о нем не проронил. Но будто бы рядом с Миншэном пустота в его душе обретала иной смысл. И что же теперь?

Прислуга Бань Лоу прикрыла ворота. Одна из тетушек, все еще тревожась, воззвала:

– Ну-ну, господин, не совершайте глупостей и отправляйтесь поскорее к себе.

Услышав это, У Чан невольно бросил взор на нее:

– Вы поэтому прибыли сопроводить меня?

Обе не нашлись с ответом. И даже растерялись. По-видимому, всерьез полагали, что и минуты не пройдет после домашнего ареста, как господин снова вляпается в неприятности. Однако стали бы слуги так размышлять? Кто-то иной прислал их, чтобы проследить за благоразумием У Чана. И позволить себе подобное мог лишь один человек!

У Чан сорвался с места, стоило ему только об этом подумать. Тетушки, не поспевая за ним из-за преклонного возраста, упорно торопились. Достигнув ворот, обе плюнули на затею и оставили попытки догнать молодого. У Чан же перешагнул порог, вбежал во двор и... замер.

Свет в окне! Огонь свечи ярко озарял комнату наставника. В груди пронеслась буря эмоций: учитель в здравии! Неожданная новость почти выбила почву из-под ног, и У Чан едва ли не рухнул перед дверьми, делая шаг. Пусть он заметил всего одну медленно колыхнувшуюся тень на стене, но этого хватило, чтобы У Чан расцвел от радости и отпустил страхи.

Немного погодя осознание «учитель в здравии» окутало его холодом. С чего вдруг он узнает об этом сейчас? У Чан вцепился взглядом в тень человека. Почему никто не сообщил ему о наставнике? Тихо перебирая мысли, У Чан не сразу услышал чужой голос в помещении.

– Проявите благоразумие, видите же, что предначертанное не изменить. Вы не допустили наследника до получения благосклонности Небес, но нить судьбы нашла иной способ, как это сделать. В этот раз исключительно благодаря усилиям владыки вы не погибли и не лишились сил. А что будет, если он не окажется рядом? Этот избранный... он несет опасность. Даже для вас.

Глава 65

Часть 3

Корни и ветви

С предельной осторожностью У Чан заглянул в угол окна, и его взору предстал человек на краю кровати. Усталость глубоко отпечаталась на бледном лице. Серые, как и их хозяин, глаза казались тусклыми в свете вечерней свечи. Но даже так, если всмотреться, в образе этого человека все еще теплился живой лучик. Другой бы после произошедшего из постели не вылез, а Го Бохай, выпрямив спину, с еле уловимой улыбкой выслушивал гостя.

– Мой ученик?.. – недоумевая, повторил он. – Вы же сами, брат Лао, сказали: если бы не способности моего ученика, то в мире демонов этот наставник испустил бы последний вздох.

Высокая худощавая тень Лао Вана содрогнулась. Очертания ее нетерпеливо заплясали по стене, отражая негодование хозяина. Не покидая центра комнаты и разминая напряженный лоб, даос хрипло изрек:

– Пожалуйста, не переиначивайте мои слова: после того, как спас, он едва не убил вас. Вы истязали себя и свое тело настолько, что не осилили принять большой поток духовной энергии.

О том, что объем этой духовной энергии оказался бы губительным почти для любого, собеседник будто умышленно умолчал. Го Бохай ничего не сказал, точно все это было глупым спором.

Лао Ван тяжело выдохнул, сосредоточенно провел пальцами по повязке на глазах и устало произнес:

– Владыке пришлось усмирять пыл бессмертных, живущих над нами, корпеть над вашим состоянием и улаживать проблемы, возникшие из-за вашего ученика. Благодарите его за свое спасение, как и небожителей, у которых наследник без согласия позаимствовал силы.

Го Бохай беззаботно улыбнулся:

– Обязательно принесу самые искренние извинения последним, как только предстану перед ними на суде.

– Смеетесь, верно? – Казалось, ответ поразил Лао Вана словно гром, он разволновался. – Не делайте этого более. Не говорите так. Я...

Лао Ван перевел дух и продолжил:

– Подобной воле и выдержке воистину можно позавидовать. Только пройдя сложный путь, достигаешь таких высот. Но все равно не пойму, зачем вы так? Полагаете, владыка не замечает, что вы с собой сотворили? Живой мертвец и то внушает больше надежд. Вы же сами наставник, должны понимать, какие страхи его изводят.

У Чан, до слуха которого долетели эти слова, подумал так же. На сердце стало еще тяжелее. А вот Го Бохая они, вопреки ожиданиям, не удивили: он поднял взгляд и молча посмотрел на Лао Вана. На вид даос был не сильно взрослее того же Линь Цина, но постоянно напускал на себя равнодушие, словно дышащая марионетка. Многие считали, что Лао Ван и плечом не поведет, рухну само небо. А сейчас распереживался, точно старший брат.

– Если брат Лао наконец снизошел до заботы об этом скромном и оставил притворные речи, может, он поведает, что случилось? – Стоило Го Бохаю это произнести, и его улыбка сползла с лица. – Лао Ван... Отчего мне кажется, будто бы ты винишь меня за прошлое?

Лао Ван отшатнулся и закашлялся:

– Я лишь хотел предостеречь: с опасной силой играете, многих это пугает. С чего вдруг решили о былом поговорить?

– Не я это начал. – Го Бохай поднялся на ноги и шатко двинулся навстречу. – До осуждений и упреков Лао Ван никогда не поворачивался ко мне спиной.

Ему, сбежавшему с Небес божеству, уже давно было привычно сталкиваться с порицанием. Многие дорожили собственным положением и не желали более знаться с тем, кто низвергнулся: неизвестно, чем для них это обернется. Так он объяснял себе любой холод. Но никогда не думал, что в их числе окажется Лао Ван. Мудро поступали те, кто советовал сразу оборвать связи с прошлым и не тешиться надеждами.

– Этот наставник честен. Если огорчил Лао Вана годами ранее, то хотел бы услышать, чем именно. Я действительно не ведаю, потому рассудил просто: зачем оттягивать эти мучения? Скажи.

Рубить – так сплеча. Лао Ван неожиданно притих. Го Бохай взгляделся и заключил: если бы лоскут белой ткани не скрывал глаз, то в них наверняка читалась бы все та же тоска.

– Нет желания и толку обращаться мыслями к прошлому, – умиротворяюще изрек даос. – Что важнее: задумайтесь о поступках, которыми вымощен ваш путь. Если испорченный корень вовремя отсечь, то дерево еще можно спасти. Такому обучал нас владыка. А вы отягощаете свою карму, путаясь с этим... избранным. Будто бы не замечаете...

– Ох, как славно! – Прервав разговор не словами, а пустой улыбкой, Го Бохай бросил взор на окно.

Лао Ван растерялся: казалось, наставник даже довольно выдохнул, точно был счастлив услышать это.

– С минуты на минуту объявится мой ученик. – Го Бохай посмотрел на свечу, что изрядно уменьшилась. – Я перед ним провинился: не навещал, не давал о себе знать. Полагаю, у него будет много вопросов к своему учителю.

Лицо Лао Вана побагровело. То ли из-за бесцеремонности, то ли из-за наглой прямооты, а может, из-за всего сразу. Но смысл сказанного быстро до него дошел. Он несколько раз открывал рот, однако так и не нашелся со словами.

Недолго думая, даос вынул письмо, сунул его наставнику в руки и без прощаний покинул покои, позабыв прикрыть за собой дверь. Го Бохай же устало вздохнул и вышел следом проводить гостя хотя бы взглядом. Не осталось ни злости, ни печали.

Ветер молчал, птицы спали. Какое-то время Го Бохай пребывал в размышлениях, теребя свернутый листок бумаги в тонких пальцах. Только он собрался уйти, как слуха коснулся шелест травы вблизи – плохое предчувствие накатило на него. Неужели тень, что ему померещилась в окне, и впрямь была его учеником?

Спрятав ладони в рукава, Го Бохай с деланным спокойствием обогнул ствол дерева. Но вдруг сердце словно кольнули раскаленной иглой, он ясно увидел: в переплетении корней, съевшись, сидел покрытый синяками ребенок. На измазанном личике живого места не было, и подобно зверьку, загнанному в угол, он смотрел в ответ без капли надежды. В лунном свете его испуганные глаза, как драгоценные камни, заиграли желтыми бликами.

От догадки, кто этот малец, Го Бохай почувствовал головокружение такой силы, что ночное небо и твердая земля слились в единый черный водоворот. Он попятился и тут же врезался во что-то высокое и непоколебимое, как стена. Кто-то бесшумно перегородил ему путь. Над ухом послышался встревоженный низкий шепот:

– Вы в порядке?

Го Бохай застыл. Голос был слишком близко. Неожиданно говорящий сам склонился над его плечом, и долгий пронизательный взгляд пробрался в самые потаенные уголки мыслей наставника.

Полная тишина медленно и вязко поедала обоих. Го Бохай только сейчас осознал, что крепкие ладони поддерживают его со спины – одна властно легла на руку, вторая... Поясница невольно изогнулась от соприкосновения. Го Бохай отскочил, будто кот, которого бесцеремонно погладили против шерсти, и необдуманно кинулся к дереву.

– Учитель, что-то случилось? – У Чан было шагнул следом, но почти сразу озадаченно замер. На его глазах наставник принялся тревожно кружить вокруг ствола, точно потерял нечто жизненно важное. Пойди У Чан за ним, и это смотрелось бы вдвойне странно.

В конце концов Го Бохай понял, что увиденное оказалось очередным наваждением – хоть и слишком правдоподобным. А вот собственную реакцию мгновением ранее осмыслить не смог. Не оборачиваясь к ученику, он положил руку на грубую колкую кору, другую – на

взмокший холодный лоб, и так и стоял бы, если бы У Чан не произнес с ноткой болезненной обиды в голосе:

– Вы вынуждаете меня волноваться еще сильнее.

Го Бохай догадывался, как жалко выглядел со стороны, и потому хотел успокоить:

– Не сто... – Но слова застыли в горле.

В один миг небо с землей снова заплясали. Сконфуженный, он не успел сообразить, как его резко прижали спиной к стволу дерева, а на плечо тяжело опустилась сребровласая голова. Наставника зажало между... От тихого ужаса и осознания всей картины ожили одновременно все инстинкты. Затылок словно молния прошибла и пробежалась по всему телу до самых кончиков пальцев. В чем он так провинился, что теперь... не мог ни порадоваться воссоединению, ни даже перевести дух?

Будоражающим, сбившимся от волнения голосом У Чан спешно прошептал прямо в шею:

– Простите... Простите меня. Этот ученик просто счастлив видеть вас в полном здравии.

Го Бохай не испытывал недовольства и тем более не требовал извинений, только затруднялся объяснить самому себе смятение перед чужим теплом.

Лоб У Чана сильнее уткнулся в плечо, а влажные волосы щекотно коснулись напряженной кожи. Он крепко сжал подол своих одежд.

– Пусть о вашем состоянии умалчивали, чтобы не беспокоить. Зато... – У Чан глубоко вздохнул. – Теперь я знаю, что вы... все это время хлопотали за меня, проблемного.

Слова, трепещущие, как крыло бабочки, тронули слух Го Бохая. Сам того не замечая, он перестал ощущать себя натянутой струной, и уста дрогнули:

– Неужели обо всем догадался? – Каких-то особых домыслов он не строил, ради забавы спросил. Но, похоже, растроганный ученик немного повеселел и даже нахально потерся щекой о его плечо.

– Обо всем. – У Чан тихо шмыгнул носом, отвернул лицо в сторону и продолжил: – Линь Цин... этот дурила совершенно не умеет лгать или что-то утаивать: в один из дней начал приносить для меня баоцзы с пересоленной капустой.

– И что же с ней не так? – наигранно уточнил Го Бохай. – Мне казалось, ученик жизни без нее не представляет.

Никто на Туманном хребте и за его пределами не знал: последнее, что выберет наследник клана У, – начинка из капусты, а если та будет обильно приправлена солью, то такое угощение тотчас вылетит у него изо рта. Среди северян подобная нелюбовь считалась скорее странностью. Поэтому У Чан особо не говорил о своей неприязни. А для Го Бохая это не было тайной. Он забавлялся и по сей день: подкладывал ученику листья в еду, пока тот не видел, – между прочим, так У Чан научился всегда держать ухо остро за столом.

Кто же мог предположить, что этим двоим не нужно даже писем писать, чтобы передавать друг другу сообщения. Когда Го Бохай пришел в себя и услышал, что У Чан под домашним арестом, то времени терять не стал, невзначай при послушниках принялся размышлять: «Капустная начинка легла бы в самый раз на голодный желудок», «Какое северное блюдо – и без нее?» Глупость, да и только. Но местные не могли перепроверить, а Го Бохай по личному опыту знал: выдержки его воспитаннику в детстве недодали – надо было срочно послать хоть какой-то знак.

Если бы план не сработал, у Го Бохая оставалось еще несколько в запасе. Но этого не потребовалось: через день до Линь Цина дошли разговоры. И в ту же секунду он метнулся на общую кухню и попросил приготовить баоцзы с пересоленной капустой.

Представляя выражение лица ученика в то мгновение, когда он давился булочками или, хуже того, разрыдался, как ребенок при первом же укусе, Го Бохай не удержался от тихого смешка:

– Это все, о чем ты догадался?

– Нет. – По бурчанию на плече становилось ясно, что У Чан все еще таил мелкую обиду. – Из-за меня у вас с владыкой случился очередной разлад. Это же вы попросили поддержать ученика в стороне? Оттого Лао Ван сегодня столь недоволен?

Го Бохай подумал: «Можно и так сказать» – и поймал себя на том, что ладонью уже ведет по мокрой макушке. Судя по всему, ученик понимал мотивы наставника и особо в подробностях не нуждался. Поэтому Го Бохай побыстрее заключил:

– Какой смысленный!

И в который раз подметил: будь у этого негодника хвост – серебряный, в цвет волос, и своевольный, точно его хозяин, – то он бы им довольно вильнул.

Однако не прошло и минуты, как У Чан снова огорченно забормотал:

– Простите меня. Лао Ван ведь прав... Ваш ученик – ходячая проблема. Но что я могу? Став причиной ваших страданий, я уже совершенно запутался и не понимаю, что делать. Хватаюсь за любую возможность. Хочу сделать как лучше, а выходит...

Мягкий смех Го Бохая стих.

– А выходит уж как есть! – набрав полную грудь воздуха, заключил он и следом же обвил рукой шею ученика, сжимая его в шутилом, но ошутимом захвате.

Взгляни сейчас У Чан на наставника, сразу бы догадался: терпения Го Бохая слушать подобные изречения почти не осталось. Зато духовных сил вернулось довольно, чтобы У Чан затрепыхался в объятиях, словно задышающаяся рыба.

– Я понял... понял! – Он умоляюще похлопал наставника по плечу, но выпускать его не собирались.

Го Бохай добавил таким тоном, каким не говорил уже много лет:

– Достаточно глупостей! Тебе семнадцатый год, а все никак не уяснишь: учитель не держит никаких обид. И еще... – Он сделал паузу, отчего У Чан, полный внимания, мгновенно застыл. – Ты совсем взрослый, не считаешь, что лежать на плече учителя – излишняя вольность? Что подумают люди?

Го Бохай ослабил хватку, но все же не лишил наследника выбора – остаться или отпрянуть. Ночь затаилась. Ароматы льна и удового дерева смешались воедино. У Чана обдало жаром на вдохе, он ошарашенно отскочил. Пара шагов – и ученик замер под необычайно ярким лунным светом, оставив наставника в тени. Влажные серебряные волосы заиграли причудливыми бликами. Пылкий, почти лихорадочный взор и живые краски на лице ученика сложились в пронзительный, чистейший облик. Го Бохай, не готовый увидеть столь тонкую картину, кашлянул и отвел глаза – засмущал наследника и, к своему ужасу, самого себя – и вдруг услышал:

– По какой бы причине другие от вас ни отвернулись, этот ученик так никогда не поступит. Всегда буду следовать за вами. Всегда буду рядом.

Го Бохай не нашелся с ответом – неловкость все еще дурманила разум. Вдобавок в мыслях промелькнуло гадкое «вот как», которое не дало наставнику по-настоящему порадоваться. Поэтому он тут же спрятал руки.

– Что это? – У Чан, сам не зная зачем, заглянул за спину учителя. – Письмо? Это ради него Лао Ван побеспокоил вас визитом?

Ладонь Го Бохая непроизвольно сжала листок бумаги.

– Попросили поправить отчет, – улыбнулся он. – Кое-кто слишком открыто выразил свое отношение к семье Чу.

– Ой, да не может такого быть. – У Чан почесал нос, шевельнул губами, но его перебили.

– Это не стоит твоего внимания. И сейчас не так важно. Лучше отдохнуть перед завтрашним днем.

Прощание с усопшим на дворе северян прошло незаметно. Точно это было вовсе не прощание, а каждодневный обычай перед семейным алтарем. Избранные и их наставники – кто по одному, кто по двое, – входили в павильон, в центре которого стоял средних размеров гроб. Молча молились о благополучной посмертной жизни и молча выходили. Казалось, многим из собравшихся нечего было сказать человеку, облаченному в скромные многослойные одеяния. А те, кто задерживался, делали это ради приличия.

Один из послушников подал знак, и У Чан в сопровождении учителя зашел следующим. Внутри их тусклыми взглядами встретили Бань Лоу и Гун Ди, стоявшие у стены. А еще – аромат. Дурной аромат благовоний со смесью душистых трав: он проникал в рот и оседал на языке неприятным лекарственным привкусом.

Почтительно склонив голову перед усопшим, У Чан мог лишь краем глаза замечать, что делал наставник. Го Бохай потянулся за палочками благовоний и взял всего три. Затем поджег их о свечу у алтаря и стряхнул, убирая лишний жар. Тяжелый иссиня-черный рукав строгого одеяния не издал звука, точно наставник действовал наверняка. Точно ему было не впервой.

Когда же Го Бохай сложил ладони в молитвенном жесте, У Чан поспешил за ним. Повторяя каждое действие, он взял все необходимое, поднес к огню и... рука дрогнула. У Чан невольно обернулся на песнопение, нарушающее тишину. Низкие воззвания к погибшему и прощания, слетающие с губ одного из даосских монахов на улице, звучали так, будто в желудке мужчины жужжал злой улей.

Го Бохай коснулся плеча ученика. Тот опомнился и вернулся было к молитве. Но наставник снова отвлек. Приоткрыв глаза, У Чан понял, что благовония в его руках потухли. Взгляд метнулся к стене, где нервно дрогнула высокая тень. Казалось, произошедшее сильно задело Бань Лоу. Так, что только неразборчивое рычание Гун Ди осадило его.

Песнопения продолжались. Голос то затихал, то с пушей силой взрывался. Сейчас же в ход пошел колокольчик. Обойдя со звоном каждый угол наполненного людьми двора, монах достал ритуальный персиковый меч, изгоняющий духов и призраков.

У Чан поскорее возжег благовония, помолился и, следуя за наставником, воткнул их в бронзовую курильницу. На мгновение он перевел взгляд на обескровленное лицо Цюань Миншэна, но снова отвлекся. Монах ворвался в помещение и закружил коршуном. Шаг за шагом он, не замолкая, двигался вокруг гроба по правую руку⁵.

– Пора, – глухо произнес Го Бохай и подвел ученика поклониться близким усопшего.

У Чан так и не нашел времени рассмотреть человека, который погиб по жестокой случайности, и, только оказавшись перед Бань Лоу, вынул из нагрудного кармана ритуальные деньги⁶.

Еще утром У Чан посчитал: как бы их отношения с Бань Лоу ранее ни складывались, как бы тот ни винил его в смерти товарища, это не отменяло надобности в подношении. Поэтому он наказал слугам с рассветом отправиться в город за всем необходимым. Обычная доброжелательность. Меньшее, что он мог сделать, чтобы выказать искренние сожаления. Ведь только так и умеют северяне – без лишних слов и чувств.

⁵ В китайской символике и некоторых практиках принято считать, что движение по часовой стрелке ассоциируется с положительной энергией (ци), а против часовой – с нарушением гармонии или негативной энергией.

⁶ Ритуальные деньги отдают либо лицу, которому назначили распределение даров и подношений, либо родственнику или приближенному человеку. Именно родные решают, что положить в гроб.

Однако сейчас, когда У Чан протянул пухлый белый конверт⁷, в сердце ворвалось сомнение. Бань Лоу стоял прямо напротив, прищурившись. Невозможно было не заметить, что его лицо искривилось при виде дара, словно сам жест оскорбил его.

У Чан замер с вытянутой рукой, не надеясь ни на что, но Бань Лоу все же нарушил тишину бурчанием:

– Я и сам в состоянии поднести деньги Миншэну.

Гун Ди повернулся к Бань Лоу, и тот выхватил конверт:

– Ты всегда смотрел на меня и Миншэна как на убогих. Этот неодобрительный, презрительный с рождения взгляд...

Наследник непроизвольно поднял глаза, и Бань Лоу подхватил:

– Вот, опять этот холодный взгляд обиженной жизнью собаки.

У Чан промолчал, не разрешая себе лишних чувств.

Гун Ди же сквозь зубы прорычал:

– Бань-младший!

Однако тот не умолк:

– Ты никогда этого не говорил, но на твоём лице все написано. «Чем Миншэн лучше меня?» Так ведь?

Глубокий голос монаха разлился по помещению подобно бурной волне. Казалось, чем громче становились песнопения, тем яростнее бушевало пламя злобы и обиды Бань Лоу. Он повысил тон и повторил:

– Признайся, задумывался же?

Гун Ди и Го Бохай собирались вмешаться и развести молодых по разные стороны, но застыли.

– И что, если и так? – заявил У Чан.

Если бы словом можно было ударить, то своим вопросом наследник с силой толкнул бы Бань Лоу. Да так, что того отбросило к стене.

Бань Лоу крепко закусил губу и через мгновение выплюнул презрительный смешок:

– Тогда слушай! В отличие от тебя, Миншэн всегда думал о других. Его волновали окружающие люди и их чувства. – Не отворачиваясь, он решительно указал на гроб. – Сражаясь там, за гранью мира живых, он знал, что все это из-за тебя! А ты... Ты же только делаешь вид, что заботаешься о ком-то, кроме себя. Ты никогда не замечаешь, как другим плохо по твоей вине. Не знай я тебя с детства, мне жилось бы куда проще. Не будь тебя рядом, Миншэн не погиб бы. Нет! Хватит!

Оглушенный пением, Бань Лоу вцепился в волосы и умоляюще прокричал:

– Замолчи! Достаточно твоих завываний!

⁷ На похоронах нежелателен любой яркий цвет. В том числе красные конверты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.